

Митра

Историко-археологический очерк

Статья печатается по тексту, опубликованному в журнале «Московские епарихальные ведомости», №№ 4—5, 2003 г., куда, в свою очередь, взята из журнала «Руководство для сельских пастырей», Киев, 1903, № 11. Упомянутые в тексте «примечания редакции» принадлежат редакции «МЭВ». — **Liturgica.Ru**

На голову каждого епископа при богослужении ныне возлагается у нас митра¹, всюду в Чиновнике архиерейского священнослужения называемая шапкой². Это головное укра-

---

¹ Название митра (μῖτρα), данное головному украшению наших епископов, заимствовано из книги Исход (28:37; 29:6).

² Имея в виду это наименование и форму нашей древнерусской митры, упорядочившейся епископами до патриарха Никона, проф. Е.Е. Голубинский высказывает следующее соображение относительно её происхождения. У архиереев наших, говорит он, было принято (вошло в обычай) случить не во всякой скуфье, а иметь для сего нарочитые, именно для богослужения назначенные, скуфьи. Так как скуфьи во время богослужения снимались с головы, то чтобы не класть их плашмя и сплюсненно, что весьма непредставительно, а ставить, начали делать их (богослужебные скуфьи) на твёрдой подкладке, так что они получили вид шапочек. Их начали делать из дорогих материй, украшать простыми украшениями и иконами, и, таким образом, появились у наших архиереев особые богослужебные шапочки, увеличенные потом до размера шапок, и эти-то шапочки, потом шапки, и суть наши нынешние митры. Скуфьи, превращённые посредством подложки твёрдой подкладки в шапочки, остались таковыми, т. е. малыми шапками до конца XVI в. (такова, например, митра патриарха Иова, 1595 г., в Московской патриаршей ризнице. См. Архимандрит Савва. Указатель Московской патриаршей ризницы. Изд. 4-е. М., 1863. С. 13. Табл. V, снимок 22). после этого они несколько были увеличены в размерах и, сохраняя скуфиеобразную форму, стали шапками, как начали и называться (Е. Е. Голубинский. История Русской Церкви. Т. I, пол. II. С. 234—235). Если, конечно, мы будем иметь в виду богослужение наших епископов вне храма, в время крестных ходов и торжественных процессов, и при том при наших суровых климатических условиях, так как в храмах, по примеру православного Востока, наши архиереи совершали богослужения в древнее время, несомненно, с открытой головой, то потребность в митре-шапке для них в этом случае вне всякого сомнения: наши древние шапки-митры устоялись не только на ватной атласной подкладке, но и опушивались горностаевым мехом внизу, чтобы, конечно, не только придать красоту им, но и сделать их тёплыми для головы и ушей. С этой же целью иногда устраивались при митрах и прямо наушники (А. Дмитриевский и. Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894. С. 200—201). Парча, атлас, алтабас (плотная шёлковая ткань с орнаментом или фоном из золотой или серебряной нити, разновидность парчи — прим. ред.), изорбаф (Архимандрит Савва. Указатель Московской патриаршей ризницы. С. 2, Объяснительный словарь) и другие материи, из которых устраивались у нас священные облачения, составляли наружную оболочку этих шапок-митр. С течением времени, в виду своего богослужебного употребления и из глубокого почтения к сану епископскому, шапки-митры стали украшаться золотыми дробницами с изображениями святых, унижаться жемчугом и убираться драгоценными камнями. Такая шапка-митра сделалась уже драгоценной церковной утварью, принадлежностью церковных ризниц, и могла употребляться при богослужении в храме даже с большим удобством, особенно в зимнее время, в холодных наших храмах при ужасающих северных морозах. И, действительно, в XVI веке шапка-митра или «шапочка» (Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III, ч. II. С. 96) становится у нас неотъемлемой богослужебной принадлежностью всех епископов, а с половины этого столетия украшает голову уже и некоторых почётных архимандритов. Но этим и ограничивается пока наше согласие с почтенным профессором по вопросу о происхождении митры-шапки, история которой, как мы полагаем, и оканчивается в пределах нашего Отечества концом первой половины XVII столетия. Утверждать вместе с проф. Голубинским, что «греки заимствовали от нас шапки в XVII в., придав им форму венцов или корон своих императоров, какую имеют эти последние в позднейшее время, предшествовавшее взятию Константинополя турками» (История Русской Церкви. Т. I, пол. II, С. 235), мы не считаем себя вправе. Известные нам факты говорят не в пользу этого предположения. Из слов Симеона Солунского ясно видно, что в его время, в первой половине XV столетия, митры на Востоке носили не только Патриарх Александрийский, но уже весьма (ἄλλοι πλείστοι) многие другие архиереи (Mign. Patrol/Curs. complet. T. 155. Col. 717). Следовательно, форма митры на Востоке в это время уже была выработана (таковы сохраняющаяся доныне в скевофилакии Лавры преп. Афанасия митра-венец якобы императора Фоки и митры патмосской скевофилакии), и в XVI веке греческим архиереям не было никакой надобности заимствовать митру-шапку у нас в России. Митра восточных патриархов своим видом и украшениями резко отличалась от нашей архиерейской шапки, и в начале XVII в. приводила уже в недоумение наших ревнителей старины и знатоков церковного ритуала. «А шапка на нём была,— замечает очевидец служения Патри-

шение наших епископов сделалось принадлежностью их сана сравнительно в недавнее время, чем и объясняется тот весьма знаменательный факт, что все древнейшие и позднейшие чины хиротоний не только епископа, но и митрополита и даже патриарха, чины греческие, южно-славянские и наши славяно-русские, писанные, старопечатные и даже ныне ныне употребляемые в богослужебной практике на Востоке и у нас в России о митре хранят полное молчание. Как будто митра даже и не считается принадлежностью епископского облачения. Исключение в этом отношении представляют чины южно-русских литургических памятников, в которых говорится не только о *митре* и о возложении ее на епископов при хиротонии, но даже при возведении в сан архимандрита³. Несмотря на всё это, в практике греческой церкви, издавна Патриарх Александрийский, а по его примеру позднее и некоторые другие восточные епископы стали употреблять при богослужении головное украшение, которое и называлось *митрой*⁴. Об этом ясно говорит Симеон Солунский, писатель первой половины XV века. Отвечая на вопрос: «почему, кроме Александрийского Патриарха, архиереи и священники служат с открытою головою и что луч-

---

арха Иерусалимского Феофана с русскими митрополитами и архиепископами в Москве в 1619 году,— без опушки на черном бархате прибаваны плащи, как коруна позлащена, да камения сажены, и святых нет, лише наверху вбит крест, да по странам четыре херувима и серафима» (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1883, Кн. II, отд. II. С. 166). Это во-первых. Во-вторых, восточные епископы и патриархи, приезжавшие к нам на Русь за милостыней в XVI—XVII веках, охотно принимали в виде подарков от царей, митрополитов и патриархов шапки-митры и даже просили этих даров (Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858 г. Ч. I. С. 88, 101), но ими не пользовались при богослужении, а, в виду их материальной ценности, сбывали жидам в залог (Православный Палестинский сборник. Вып. 21 [Т. VII, вып. III]. С. 82; греческие дела в Архиве министерства иностранных дел св. 33, дело № 16), или же переделывали. Наши *митры-шапки* с собольей опушкой на Востоке были не по климату. Не имея возможности здесь подробно останавливаться на вопросе о происхождении у нас формы митры-шапки, мы, однако же, позволяем себе высказать, в виде предположения, мысль о происхождении ее, и несколько отличную от вышеприведенных соображений на этот счет проф. Голубинского. Присматриваясь ближе к форме древнерусской епископской митры, сохранившейся и в памятниках (Архимандрит Савва. Указатель к патриаршей Московской ризнице. С. 13, табл. V, № 22), и сравнивая ее с формой великокняжеских шапок, как они известны по иконным старинным изображениям святых российских князей (Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом. М., 1867, январь-февраль. С. 3—4, рисунки 1, 2 и особенно 3 и 4; Древности российского государства. Отд. II. С. 47) святых Владимира, Бориса, Глеба и др., нельзя не видеть большого сходства между теми и другими. Сходство шапок великокняжеских и епископских митр в древнее время было так велико, что сохраняющуюся и по ныне, в ризнице новгородского Софийского собора древнюю «шапочку» ученые считают и «великокняжеской» шапкой, и архиерейской митрой-шапочкой (Древности российского государства. Отд. I. С. 150. Отд. II. С. 24; Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М. 1860. Ч. II. С. 358). Не произошло ли и в самом деле с нашей древней митрой-шапкой то же самое, что случилось у греков с митрой-коронай? Если последняя была копией венца византийского императора позднейшего времени, то наша митра-шапка не имела ли своим образцом великокняжескую шапку, с которой сходство в форме отрицать едва ли можно? Не получили ли это головное украшение наши епископы с головы наших набожных князей, глубоко чтивших епископский сан?

³ В «Указе како подобает епископа поставляти» 1650 года епископа Дионисия Балабана читаем следующее: «Потом *вземлет митру* рукоположитель от святая трапезы, и аше есть непосвященна, подав ю единому от предстоящих епископов в десную руку, благословляет ю крестообразно... и окропив водою священной (по прочтении молитвы), *абие способствующи* ему и прочим епископом, подает ему лобзати, еуже лобзав, возлагают на главу его, глаголющу рукоположителю сие: «Господи Боже наш, о имени Твоем возлагаем на главу сего архиепископа и воина Твоего *митру сию* рукама нас недостойных раб Твоих, и молимтися *славою и честию архиерейскою венчай его, и благоволи еже быти ему в шлем спасения и утверждения, в победу на вся противящаяся истине святого Евангелия Твоего, на сотрание сопротинныя диавольския силы во вся дни живота его*. Ты бо еси крепость и утверждение раб Твоих и Тебе славу возсылаем Безначальному Отцу с Единородным Ти Сыном и Всесвятым Благим и Животворящим Ти Духом ныне и присно» (Рукопись библиотеки Софийского Киевского собора, № 77. Л. 65об — 66 об.). Почти в тех же выражениях читается епископом молитва и при возложении митры на главу архимандрита: «Молимтися венчай его Твоим вышним благословением и благоволи быти ему в шлем спасения и утверждения, и в победу сопротив всем кознем диавольским и врагом истины Твояе вся дни живота его» (Там же. Л. 34).

⁴ Форму *митр* или головных повязок Александрийских Патриархов древнейшего времени можно видеть на изображениях святых Афанасия и Кирилла Александрийских. См. Cardinal Albani в его *Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris. Urbini, 1737. Pars II. P. 116.*

ше служить с непокрытой головою», наш экзегет пишет: «с непокровленной главой все восточные иерархи и священники, за исключением Александрийского Патриарха, совершают священнодействие не по уничтожению какому-либо, но по слову возвышеннейшему и особенно священному, которое богоглаголивый Павел предлагает в научение, называя главою нашею Христа, нас же членами Его, и что должно чтущим нашего Главу Христа во время молитвы иметь головы открытыми. И не только поэтому, но и потому, что на открытую голову хиротонисаемый принимает рукоположение, и должен, таким образом, молиться и священнодействовать, как он был рукоположен. *Иерарх же в особенности*, так как хиротонисаемый, имеет на главе богопреданные словеса, т. е. святое Евангелие, а другого покрыва в ту пору, когда священнодействуешь божественнейшие (тайны), не должен иметь на главе. Но, быть может, кто-нибудь скажет: Александрийский Патриарх, имеющий на главе священное покрывало (ἱερον ἐπικαλύμμα), и весьма многие другие, по древнему преданию, не поступают ли не благочестно?

Я этого не говорю, ибо у поступающих таким образом (оправданием служит) древнее предание, но лучше — законнейшее. В самом деле, законный (ветхозаветный) архиерей носил на голове кидар (κιδάρι), который и митрою (μίτραν) называли, как и архиереи, надевающие ее, любят называть (οἱ περὶ τῆμενοι ἱεραρχοὶ φίλουσι καλεῖν) (т. е. в настоящее время). Быть может они имеют ее по подобию тернового венца Владыки или сударя, находившегося на главе Его. Но, однако же, поелику снимают с себя митру и они в важнейшие времена священнодействия, то этим показывают, что предание блаженного Павла важнее, ибо образ тернового венца изображается пострижением волос на главе посвящаемых при совершении священной печати... Важнее, конечно, молиться и совершать священнодействие с открытой головой, и не должно этим пренебрегать и в особенности в важнейшие времена»⁵. В ответах Гавриилу, епископу Пентапольскому, Симеон Солунский возвращается еще раз к объяснению вопроса, почему Александрийский Патриарх и Римский папа совершают богослужение в митре, а прочие архиереи с открытой головой, и указывает для первого — основания в подражании одеянию ветхозаветного первосвященника и в разрешении собора, дозволившего ему по болезни надевать на голову митру, оставаясь при прежнем объяснении символического значения этого одеяния, а для папы Римского — основания в хрисовуле или дарственной грамоте царя Константина папе Сильвестру⁶. В следующем затем 21 ответе он разъясняет снова важность обычая совершать богослужение епископам с открытой головой, для которой митрою должно считаться Святое Евангелие, возлежавшее на главе их во время хиротонии⁷. Из этих рассуждений экзегета богослужения на православном Востоке XIV—XV вв. ясно вытекает то заключение, что сам лично он не употреблял при богослужении митры и другим своим сослуживцам и современникам, например, епископу Пентапольскому Гавриилу, рекомендовал предпочтительно держаться более распространенного на Востоке обычая и, по его мнению, более законного — совершать богослужения с открытой головой без митры.

И, действительно, мы видим в практике православного Востока, что не только в XV веке, но даже в XVI⁸ и XVII веках восточные иерархи не употребляли митр при богослужении, за исключением патриархов⁹. Наш путешественник по Востоку начала второй половины XVII столетия, известный старец Арсений Суханов, описывая хиротонию ми-

⁵ Mign.. Patrol. Curs. complet. T. 165. Col. 716—717; См. Писания отец и учителей Церкви. Т. III. С. 23—25.

⁶ Обстоятельные доказательства относительно подложности этого хрисовула см. у проф. А. С. Павлова. Сборник неизданных памятников церковного права. СПб., 1898. С. 54—92.

⁷ Mign.. Patrol. Curs. complet. T. 155. Col. 872—873.

⁸ «Употребления перстня греческие епископы не знают, и митр, говорит Яков Гоар, не носят (нес mitras ambire), но легаты Востока от папы Григория X, по обычаю латинских епископов, тиарами, митрами и перстнями были украшены, как свидетельствует Пахимер» (Ευχολογ..Goar. P. 258).

⁹ Константинопольский Патриарх Иоасаф II в 1557 году обращался с просьбой к царю Ивану Васильевичу прислать новую митру для патриаршего служения в Константинополе. См. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. I. С. 88.

трополита Вифлеемского Неофита в Иерусалиме, говорит между прочим следующее: «А сакка и шапки ему (патриарх) не дал, потому что все митрополиты у себя служат в сакках, а с патриархом в ризах (sic), а шапок и наедине ни у кого нету, и носить не сметь, кроме патриарха»¹⁰. «Митрополиты все в сакках были,— пишет тот же Арсений Суханов о патриаршем служении в Великий Пяток, не замечая вышеприведенного противоречия в своих словах относительно употребления саккосов митрополитами Палестины,— а всю без шапок, понеже шапок, кроме Патриарха, никто нигде не носит, и нет у них и не бывало. А назаретский митрополит бил челом Государю, будто у него была шапка да изветшала, и чтоб Государь пожаловал велел сделать новую, и ту Государеву шапку назаретский, приехав, дал Патриарху, и сакк совсем один. А в Назарете шапки от начала не бывало, и ныне не будет же носить. И Патриарх, взял ее, сказывали, заложил в заклад. И при нас назаретской служил с Патриархом и без Патриарха без шапки»¹¹. В «Тактиконе, еже есть Чиновник како греки церковный чин и пение содержат», описывая служение патриархов Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского, он говорит, что пред Литургией они «кладут шапку, глаголя: Господь воцарися в лепоту облечеса, облечеса Господь в силу и препоясая; ибо утверди вселенную яже не подвижится, всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь»¹². В сочинении того же автора, составленном после появления «Проскинитария» (после 1653 года) и известном под именем: «О чинех греческих вкратце», по интересующему нас вопросу говорится в более спокойном тоне, без всякой полемики, и потому ближе к истине: «А шапки святительския не на многих архиепископах и митрополитах, которым от древних благочестивых царей дано, а прочии (все митрополиты и епископы) без шапок. Архимандрита у них ни одного нет (в шапке)»¹³. На основании приведенных выдержек ясно, следовательно, что на Востоке во второй половине XVII столетия начал устанавливаться относительно ношения митр-корон епископами тот самый порядок, который соблюдается и до настоящего времени. То есть правом ношения митр пользовались все восточные патриархи, но, отдавая почтение старшинству занимаемого престола, при совместном служении, не возлагали митр все, а только старейший из них по своему положению¹⁴. Митрополиты и епископы получают митру с головы патриарха в конце Литургии, но не при самой хиротонии, и пользуются ею при богослужениях в своей епархии и когда первенствуют в богослужениях. В присутствии же своего патриарха митр не надевают, а покрывают голову камилавкой с флеровой наметкой.

Что касается формы восточной митры, то, не пускаясь в глубокие разыскания о форме древней александрийской митры, определить которую, в виду отсутствия положительных данных, не легко¹⁵, мы можем в решении этого вопроса свое внимание сосредоточить прежде всего на принятом на всем Востоке, и при том с давних пор названии ее — *корона* (корова) или *венцом* (στέφανος). Действительно, известная нам древнейшая восточная митра, хранящаяся ныне в скевофилакии Лавры прп. Афанасия на Афоне и слышущая в предании за *венец* императора византийского Никифора Фоки (963—969), ктитора Лавры, относится, по определению академика Н. П. Кондакова, к XVI веку¹⁶ и представляет фор-

¹⁰ Православный Палестинский сборник. Вып. 21 (Т. VII, вып. III). С. 73, сноска на С. 263.

¹¹ Там же. С. 82.

¹² Там же. С. 254.

¹³ С.А. Белокуров. Арсений Суханов. Изд. 2-е. М., 1894. С. 114.

¹⁴ Этим следует объяснять тот факт, что наш посланник Борис Благово, наблюдавший в 1585 году в Константинополе совместное служение трех патриархов — Константинопольского, Александрийского и Антиохийского с девятью митрополитами и шестью архиепископами, митру видел на одном лишь Патриархе Александрийском и дал этому факту такое объяснение. «А нарицают его в папино место и ставят больше всех патриархов» (Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. II. С. 149).

¹⁵ Е.Е. Голубинский. История Русской Церкви. Т. I. пол. II. С. 231—232, прим. 3.; См. Roemische Quartalschrift fuer christliche Alterthumskunde und fuer Kirchengeschichte. 1899. Heft. 2-3. S. 92-102; Taf. VI.

¹⁶ Н. П. Кондаков. Памятники искусства на Афоне. СПб. 1902. С. 242. «Вполне подобна саккосу (по преданию сомнительного свойства, сделанному из военного плаща или мантии императора Никифора Фоки) и даже, по нашей догадке, говорит проф. Кондаков, составляет, быть может, одно с ним облачение, митра, будто бы бывшая венцом того же императора из той же Лаврской ризницы, показываемая всем на праздник

му *короны* позднейших византийских императоров, т. е. высокой шапки с ободком вокруг головы и с закруглением сверху¹⁷. Немногим отличается по своей форме от *митры-короны* и принятая ныне в практике Александрийской Церкви *вторая* патриаршая митра¹⁸, употребление которой введено, по преданию, с глубокой древности. Греческому национальному самолюбию было вполне естественно, после падения Константинополя в 1453 году, возложить венец несуществующих уже императоров на голову своего Вселенского Патриарха, главного и единственного блюстителя интересов Православия и самой национальности на всем мусульманском Востоке, тем более, что еще раньше, в эпоху расцвета Византийской империи. Патриарх из рук императора получил такие знаки царского достоинства, как далматика или саккос, лор или омофор и др.¹⁹ В этой форме *короны* митра из Константинополя перешла к другим восточным патриархам и епископам, а в 1653 году, по желанию любителя греческих порядков Патриарха Никона, и к нам в Россию²⁰, заменив в нашей богослужебной практике существовавшую дотоле форму — *шапки-митры*.

Что же касается времени появления в нашей церковной богослужебной практике митры в форме *шапки* или *шапочки*, то, за отсутствием положительных данных²¹, с точностью

обители 5 июля. Митра современна саккосу или немного позже его сделана. Причина, почему лаврское монашество остановилось именно на ней в своих желаниях, чисто греческого свойства, иметь реальный знак исторической дружбы императора с первым игуменом Лавры, заключается в небольшой детали этой митры: по ее низу, также износившемуся, нашит металлический, очень грубый и сделанный из позолоченного серебра венчик. На нем укреплена бляшка в виде орла, украшенная алмазами и бриллиантами. Венчик составлен из листьев, загнутых вдоль козыря, и рисунок их нам показался не имеющим ничего общего с древностью. Не можем поручиться за все подробности своего описания, но даже парча митры показалась нам плохой и поздней, как и вся эта легендарная история прямой басней, изобретенной в прошлом веке для паломников».

¹⁷ Д. В. Беляев. *Byzantina*. Е. П. С. 292—293 и прим. 1.

¹⁸ См. изображение этой митры у епископа Порфирия Успенского в его атласе: *Восток христианский. Египет и Синай. Виды, очерки, планы и надписи к путешествиям*. СПб., 1857, табл. III; См архимандрит Савва. *Указатель Московской патриаршей ризницы*. С. 14—15. Табл. III, рис. 23.

¹⁹ Думается нам, что и кундуры, или башмаки с вышитыми на них золотыми орлами, употреблявшиеся при богослужении патриархами Александрийским и Антиохийским, о чем говорит наш старец Арсений Суханов (*Православный Палестинский сборник*. Вып. 21 (т. VII, вып. III). С. 254, прим. 1), перешли в облачение патриархов также из костюма византийских императоров.

²⁰ *Христианское чтение*. 1881, № 11—12. С. 795, прим. 1; Архимандрит Савва. *Указатель Московской патриаршей ризницы*. С. 15—16 и табл. III, рис. 25—27; *Древности российского государства*. М., 1849. Отд. I. С. 124—132.

²¹ В настоящее время известны *три митры*, которые преданием относятся к XI—XII векам: одна находится в Новоторжском Борисоглебском Тверской епархии монастыре и приписывается преподобному Ефрему, архимандриту и основателю этого монастыря († 1053) (*Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. VII, вып. 1. С. 27, прим.; См. *Церковные ведомости*. 1902, № 43. С. 1525—1526; *Православный Собеседник*. 1902, Кн. X. С. 462—465), а две другие в новгородском Софийском соборе, из коих одна была на святителе Никите во гробе якобы в 1108—1550 гг., а другая признается за «великокняжескую» (Архимандрит Макарии. *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*. М. 1860, Ч. II. С. 357—358; *Древности российского государства*. Отд. I. С. 150; Отд. II. С. 240. Если бы на этом предании можно было успокоиться, то вопрос о времени появления в нашей богослужебной практике митр в виде «шапочек», напоминающих форму древней скуфейки, носимой, по предположению проф. Е. Е. Голубинского нашим духовенством в домонгольский период нашей исторической жизни (*История Русской Церкви*. Т. I, пол. II. С. 232, 234—235) и гораздо позднее, решался бы самым положительным образом. Но, к сожалению, имеются основательные причины сомневаться в тех датах, которые устанавливаются преданием относительно времени происхождения названных митр. О митре преподобного архимандрита Ефрема (если верить преданию) сведения у нас имеются самые общие и, по существующему описанию (*Древности*. Т. VII, в. I. С. 27, прим.), судить о древности этой митры весьма трудно. Можно говорить только, что эта митра по своему происхождению не раньше XVI в., так как русские *архимандриты*, как известно, начали украшать свои головы митрами лишь во второй половине XVI в. Митра эта из шелковой материи с горностаевой опушкой, что также не препятствует относить ее к этому времени. Более имеется данных у нас для суждения о митрах новгородского Софийского собора. Первая новгородская митра, в виде синей гродетуровой (гродетур или гарнитур — очень плотная, одноцветная темная ткань, каждая нить основы которой закрыта двумя нитями утка — *прим. ред.*) шапочки, опушенной горностаевым мехом, с выши-

сказать затрудняемся. Едва ли, однако же, мы погрешим много, если время появления у нас *митр-шапок*, как богослужебной принадлежности, отнесем к XV веку, потому что с таким значением эти главные украшения являются у наших епископов, несомненно, в XVI веке²² и переходят в это время даже к некоторым почетным архимандритам. Возможно предположение, что обычай возлагать митры некоторыми епископами на Востоке, отмеченный и Симеоном Солунским, оказал свое влияние и на нашу богослужебную практику, в которой употреблялись дотоле епископами вне храма головные украшения в виде *шапочек*, получивших с этого времени значение принадлежности епископского сана. По крайней мере, акты Московского Собора 1674 года дают нам ясно понять, что отцам этого собора не была чужда мысль о заимствовании нами митры с православного Востока, по примеру восточных патриархов. «Митра, имущая горе креста образ²³, говорится в актах этого собора относительно патриаршей митры, *по подобию, яко имут святейший гречестии патриарси, во священнодействии, по обычаю святых восточным Церкве, яко и великий святыи Кирилл Александрийский по главе златым увяслом обложися, егда Святому*

тыми на ней золотом небольшими крестами и двумя херувимами и серафимами с надписями: «херовимъ, серафимъ», лежала на главе святителя Никиты якобы с 1008 по 1558 год, т. е. до времени открытия его мощей. Но дело в том, что в это же время в 1558 году в гробу святителя найден и посох его (sic!), из трех жемчужных палочек, с резными тремя яблоками и резными же на моржовой кости, которой украшены его поперечина и верхняя часть, изображениями святых, как например, *святителя Московского Петра, Ростовского Леонтия и прп. Сергия Радонежского* (Древности российского государства. Отд. I. С. 157). Ясно, следовательно, что посох этот, относимый местным преданием и церковною описью также к XI веку, никоим образом не может быть приурочен ко времени кончины святителя Никиты. Ученые описатели древностей российских совершенно справедливо датируют настоящий посох, или вернее его украшения, XV или даже первой половиной XVI в., и готовы считать их плодом усердия или архиепископа Евфимия II (1429—1458), или даже знаменитого Макария (1526—1540), впоследствии всероссийского митрополита (Там же. С. 158). Можно и совершенно справедливо поэтому усомниться и в хронологии других предметов, найденных в 1558 году в гробу свт. Никиты. Вполне естественно считать и их знаком святительской ревности и почтения к святому епископу Никите со стороны тех же новгородских владык XV—XVI веков. Форма митры несколько не противоречит этому весьма вероятному предположению. Что касается другой шапочки-митры, которую описатели древностей российских называют так: «шапка древняя великокняжеская или архиерейская новгородская» (Там же. Отд. II. С. 24) и которая, будучи деревянной круглой формы, обложена алым атласом с вышитыми на ней золотом, серебром и шелками Деисусом, двумя ангелами и херувимами, с деревянным позолоченным крестом в деревянном круге, опущена внизу горностаевым мехом (Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. Ч. II. С. 358: Древности российского государства. Отд. II. С. 24), то эта шапочка, как видно и из ее наименований, сомнительного происхождения и едва ли может быть признана за древнюю митру новгородских владык. Но, несмотря на отсутствие вещественных данных для решения занимающего нас вопроса, и проф. Е.Е. Голубинский, в своей «Истории Русской Церкви домон-гольского периода» уделивший немало места на ее страницах вопросу «о головном покрове» наших архиереев при богослужении «в древнее и старое время» (Т. I, пол. II. С. 230—236), и составители «Древностей российского государства» (Оленин, Солнцев, С. Строганов, М. Загоскин, Ив. Снигирев и А. Вельтман), по-видимому, не сомневаются в происхождении нашей архиерейской митры из глубокой древности. «В числе святительских отличий, говорят последние, митра издревле (sic!) в отечестве нашем служила украшением не только епископов, но даже некоторых архимандритов» (sic!) (Древности российского государства. Отд. I. С. 122). В частности по вопросу о форме епископской митры у нас в России они пишут следующее: «между тем как на христианском Востоке, под владычеством латинов и магометан, внешние отличия сана иераршеского подверглись изменению. *Российская Церковь и под ярмом монгольским удержала их ненарушимо, в таком виде, в каком (?) они приняты были от Византийской Церкви*» (Там же). Из сказанного нами выше и в данном случае, и на основании приведенных нами исторически несомненных свидетельств можно видеть, насколько заслуживают внимания отмечаемые нами здесь соображения по вопросу о времени происхождения епископской митры и ее форм, и можно ли считать вопрос этот, при существующих наличных данных, хотя бы и близким к положительному решению.

²² Служебник рукописный XVI в. Московская Синодальная библиотека, № 366 (680). Л. 47 (Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III, ч. I. С. 96); А. Дмитриевский. Архиепископ Еласонский Арсений и его исторические мемуары. Киев, 1899. С. 86; *Σαθα Βιογραφ. σχηδιασμα περι του πατρ. Γερεμιου β. Ev Aφiv. 1870. σελ., 48, 52, 76*; Архимандрит Савва. Указатель Московской патриаршей ризницы. С. 13; *Христианское чтение*. 1879, № 11-12. С. 569.

²³ Митру с крестом наверху в 1686 году было «попущено» носить и киевскому митрополиту (Описание Киево-Софиевского собора и киевской иерархии, С. 200 и прибавление, С. 101) «ради в той стране обыкlosti».

и Вселенскому III Собору предстательствоваше; и величашеся, по уставу равноапостольного святого великаго царя Константина, бывшему ко святому Сильвестру, и яко Феофилу Александрийскому (правильнее Иерусалимскому) Патриарху царь Василий (976—1025) Багрянородный возложи диадиму, и во церкви украшати предзакониями повеле»²⁴. Правилами того же собора установлено, чтобы у митрополитов была «шапка золотая или серебровканная, позлащенная», а у архиепископов и епископов — «шапка серебровканная»²⁵.

От редакции:

В «Настольной книге священнослужителя» (Т. 4, Издательство Московской Патриархии, 2001. С. 146—147) читаем о митре следующее. «Современная митра — это богато украшенная парчовым шитьем, бархатом, бисером, драгоценными камнями и иконами высокая твердая шапка, плавно сужающаяся к ободу вокруг головы. Такие очертания митра приобрела в XVIII—XIX вв. До этого русские митры были похожи на разных форм короны византийских царей позднего периода империи. Иногда обод митры являл собой зубчатый венец.

По свидетельству Феодора Вольсамона, патриарха Антиохийского (XII в.), и блаженного Симеона, архиепископа Солунского (XV в.), митру в виде короны — богатого царского головного убора — впервые стали носить в IV в. в неразделенной Церкви Римские папы. Затем на III Вселенском соборе (431 г.) святой Кирилл Александрийский, представляя римского папу Целестина, надел в удостоверение этого митру-корону. И вплоть до XII в. такие митры на Востоке носили лишь Александрийские патриархи, потом стали носить Константинопольские. Другие представителей церкви, митрополиты и епископы носили митры-повязки (венцы) простого древнего образца, клобуки или шапки. Русские архиереи носили также митры-шапки, наподобие княжеских, отороченные мехом, украшенные шитьем и иконами. Такие шапки-митры появились у нас в XV в. До этого русские святители не знали иного головного убора, кроме клобука. В середине XVII в. митры-короны появляются и в Русской Церкви, а с 1705 г. митра становится головным убором не только архиереев, но и всех архимандритов. Указом императора Павла I от 18 декабря 1797 г. митру в качестве награды определялось давать особо заслуженным протоиереям».

До сравнительно недавнего времени в Русской Православной Церкви только Святейший Патриарх и митрополиты носили митры, увенчанные крестом. В конце марта 1988 г. в ходе Предсоборного Архиерейского Сопрошения высказывалось пожелание привести традицию ношения митр в Русской Православной Церкви в соответствие со всеправославной практикой. 27 декабря 1988 г. Его Святейшество обратился к Священному Синоду с письмом, в котором предлагал установить единый для всех архиереев (а не только Патриарха и митрополитов) образец митры, увенчанной крестом. При этом предлагалось сохранить традицию ношения митры без креста для архимандритов и протоиереев, удостоенных этой награды. Священный Синод принял положительное постановление по этому вопросу в заседании 27—28 декабря 1988 г. (См.: *Журнал Московской Патриархии*, 1989, № 3. С. 7).

²⁴ Архимандрит Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Ч. I. С. 328.

²⁵ Там же. С. 332,335.